

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
Выпуск 5

Москва
2004

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

Л. В. Максимов

О субъективистских течениях в современной философии морали	3
--	---

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Публичное пространство и реальная политика. Беседа Сергея Земляного с академиком РАН Абдусаламом Гусейновым	16
---	----

С. Н. Земляной

Этика Бертольта Брехта.....	37
-----------------------------	----

А. В. Прокофьев

Подвижная ткань межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт)	53
--	----

Рецензия на книгу Б.Г.Капустина «Моральный выбор в политике» и хрестоматию «Мораль в политике» (сост. и отв. ред. Б.Г.Капустин).....	74
--	----

ИЗВИНЕНИЕ И ПРОЩЕНИЕ

Предисловие к публикации	82
--------------------------------	----

Т. Гуяве

Прощение и непростительное	86
----------------------------------	----

Рецензия на книгу Ренате Ратмайр «Прагматика изменения»	109
---	-----

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В.И. Лазаренко

Онтологическая основа благополучия совершенного государства Платона	120
---	-----

П.А. Гаджикурбанова

Специфика стоической трактовки добродетели (понятие «надлежащего по обстоятельствам»).....	128
--	-----

О.В. Кирьязов

Предтеча цивилизационного синтеза.....	143
--	-----

С.Н. Земляной

Феноменология и этика	172
-----------------------------	-----

Об авторах.....	200
-----------------	-----

Рецензия на книгу Ренате Ратмайр «Прагматика изменения»

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. Е.Араловой. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 272 с.

Как-то, лет двадцать назад, я беседовал с И.С.Коном, и разговор зашел о его книге «Дружба», которую незадолго до этого я внимательно и с интересом прочитал. Во время и после чтения у меня сохранялось впечатление, что никакие частнонаучные изыскания в этой области по существу не сообщают мне ничего нового для понимания феномена дружбы по сравнению с тем, что сказал Аристотель. И я спросил Кона как раз об этом: какой смысл в таких исследованиях, ведь не может же быть, что обозревавшиеся им социологи, антропологи и психологи не читали Аристотеля. На это Кон, несколько удивившись моему вопросу, ответил просто: философы представляют дружбу на уровне общего понятия, а ученые исследуют, как люди дружат, какие бывают дружеские отношения и что с ними происходит в разных культурах, в разных возрастах, у одних и тех же людей на разных этапах их жизни. Для Кона, исследователя в области социологии и психологии (тогда только-только вышла его первая книжка «Введение в сексологию») и философа не только по образованию, но и по своим начальным академическим интересам, это было довольно очевидно. Как показывают дискуссии, которые ведут между собой записные философы, это ясно не всем и не всегда.

О той примечательной беседе мне вспомнилось при чтении интереснейшего исследования австрийского профессора Ренате Ратмайр, лингвиста, специалиста в области прагматики¹ и межкультурной коммуникации. Ратмайр — заведующая кафедрой славянских языков Вен-

ского экономического университета; она со студенческих лет связана с Россией, хорошо знает ее и тонко чувствует, думается, не в малой степени именно благодаря многолетним изучениям русского языка.

Понятно, что при встрече с книгой мое внимание привлекло в первую очередь второе слово в ее названии: *извинение*. Если не ошибаюсь, это вообще первая монографическая работа на тему извинения/прощения, опубликованная на русском языке, при том, что мировая литература по этой проблеме чрезвычайно обширна. Но по мере освоения содержания книги характер необычных проблематизаций знакомой по этическим студиям темы и ее общетеоретический — *прагматический* — контекст обретал все большее значение. Не исключаю, что какие-то обсуждения, в особенности в первой части книги, представляемые автором в качестве лингвистических, могут показаться, если смотреть с площадки, на которой собирается ежегодник «Этическая мысль», культурологическими. Нельзя не заметить, что автор говорит о каких-то явлениях как явлениях языка, между тем как мы бы обозначили их как явления, относящиеся к нравам, к культуре. Показательно, например, что один из параграфов во Введении называется «О категории вежливости в русском языке», а следующий — «К вопросу о вежливости в русском языке (исторический экскурс)», но речь в них идет, на мой взгляд, отнюдь не о языке, но о культуре — в языке лишь отражается то, что происходит в культуре. И даже возможное возражение со стороны лингвиста: разве происходит в культуре что-то иначе, чем проявляясь через язык, через иные знаковые системы, вряд ли бы развеял возникающее здесь у читателя — не-лингвиста недоумение. Но к такого рода странностям лучше отнестись как к опыту ино-дисциплинарности и междисциплинарности. Автор хотя и исследует знакомые и близкие этикам феномены — *извинение, общение, вежливость* и т.п., исследуются они в незнакомом ракурсе и порой в неожиданном свете. Это не только интересно, как уже было сказано, но и поучительно. На интересные и неожиданные для философа и этика моменты в книге Ратмайр я бы и хотел остановиться.

* * *

С лингвистически-прагматической точки зрения извинение как речевой акт происходит в коммуникативной ситуации, состоящей, как правило, из трех компонентов. Это: а) человек, причинивший ущерб, который в типичном случае выступает как говорящий, б) пострадавший, который в типичном случае является адресатом изви-

нения, в) сам принесенный ущерб. Как показывают ссылки автора на разных авторов, как российских, так и зарубежных, исследовавших эту проблему, приведенная схема является в общем репрезентативной для социолингвистики. Непременно, но в различных ситуациях в разной степени *перлокуция*² извинения зависит от: г) характера ситуации и д) времени, прошедшего с момента причинения ущерба до самого извинения³.

Постепенно из рассуждения Ратмайр становится понятно, что ситуация локуции зависит и от других факторов, в том числе моральных. Выше было отмечено, что Ратмайр представляет свое исследование в подчеркнуто ненормативном контексте. Так автор указывает, что «решение вопроса о том, будет ли» человек, причинивший ущерб «извиняться, сильнее всего зависит от его индивидуальных качеств», и ссылается при этом на наблюдения в американской культуре, по отношению к которой исследователи констатируют, что существуют люди, которые извиняются, и такие, которые этого не делают (С. 47). Однако извинение отнюдь не выносится напрочь за рамки морального контекста. Например, по поводу предпосылок извинения указывается, что извинение релевантно определенным моральным качествам; человек, щепетильно относящийся к истине, т.е. правдолюбивый, скорее принесет извинения. Вместе с тем извинение зависит и от коммуникативно-прагматических установок говорящего: желающий восстановить отношения скорее принесет извинения. По-видимому, эти отдельные замечания привносят некую нормативную определенность в рассмотрение извинения, но, думается, недостаточную. Понятно, что перед лингвистом не стоит задача нормативного и этического анализа феномена; но само упоминание правдолюбия как дополнительного фактора извинения показывает, что моральный фактор в принципе имеет место, и подсказывает, что качество этого фактора нуждается в уточнении: не исключено, что готовность к извинению релевантна не столько отдельным моральным качествам, сколько наличию этих качеств вообще или, шире, сама является признаком моральности индивида.

Исследование Ратмайр основано на широком эмпирическом материале. Можно выделить четыре источника эмпирических данных. Основной источник — это результаты собственного конкретного социолингвистического исследования автора, проведенного по методике Cross-Cultural Speech Act Realization Project (CCSRP — кросс-культурный проект реализации речевых актов), в соответствии с которой опрашиваемым предлагалось в различных типовых ситуациях нанесения ущерба, в которых ожидалось бы принесение извинений, пока

зять, какой диалог мог бы иметь место. Эта методика позволяет реконструировать возможные типы извинений (или избегания их) в различных ситуациях⁴. Полученные результаты от русских информантов (или в одном случае от русскоязычных информантов в Израиле) иногда сопоставляются с аналогичными результатами, полученными от представителей других культур. Исследование Ратмайр систематически основано на материалах этого исследования. Другой источник эмпирического материала — наблюдения самого автора или свидетельства третьих лиц, полученные автором. Третий — примеры из художественной литературы. Четвертый — примеры, почерпнутые из работ других исследователей. Отдельно надо указать на то, что Ратмайр дифференцирует, условно говоря, бытовые ситуации принесения извинений, публичные, хотя автор не употребляет этих слов (или они не употребляются русским переводчиком), частные ситуации (в общественных местах, на службе) и ситуации в публичной политике. Последние, как неоднократно и справедливо подчеркивает автор, требуют специального подхода, поскольку структура, процедуры, локуции и контекст извинений в публичной политике, в особенности политике международной, особенны по ряду характерных признаков. Следует отметить, что весь этот материал, различный по удельному весу, используется комплексно.

В речевой практике слова «извинение» и «прощение» довольно близки, а нередко представляются и синонимичными. Можно предположить, интуитивно проникая в неявную семантику этих слов, что, «извиняя», человека освобождают от ответственности за ущерб, которому он оказался причиной, а «прощая» человека освобождают от ответственности за то состояние, которое возникло по его ли причине или по причине других людей. Так Ратмайр приводит пример прощения, о котором попросил Борис Ельцин за то, что в драматические дни августовского путча погибли трое молодых людей: он лично не был виноват в том, что произошло, но, прося прощение, он косвенно принимал на себя ответственность за случившуюся трагедию. Не принимая во внимание лингвистическую специфику употребления этих слов, обратим внимание на такие, выделяемые в книге особенности, как то, что «извинение» не только этимологически, но и семантически коррелирует с концептом вины, а прощение — с концептом греха. Поэтому, как отмечает Ратмайр, «хотя в глаголе «извиняться» содержится корень «вина», с большей тяжестью вины коррелирует как раз вариант «прости/те»» (С. 83); формула «извини/те» используется, как правило, при незначительных поводах, при наличии (по мнению го-

ворящего) оправдательных причин. При просьбе об извинении ожидается великодушие от адресата; при просьбе о прощении — подразумевается ожидание понимания.

Вообще говоря, иллокутивная функция извинения неоднозначна и, как показывает Ратмайр, культурно релятивна. Обобщение опыта английского языка приводит к выводу, что извинение представляет собой разновидность экспрессивных речевых актов, направленных на выражение внутреннего состояния говорящего (что особенно хорошо чувствуется в английском «*Sorry!*»). В русском языке иной «этнос», и извинение здесь призвано не столько выразить состояние говорящего, сколько, говоря словами Дж.Серля, «привести мир в соответствие с языком». С помощью извинения виновный в причинении ущерба, вследствие которого произошло изменение внеязыкового мира, в частности ухудшение имиджа виновного в глазах того, кто потерпел ущерб, стремится «аннулировать сложившуюся негативную оценку» (С. 62–63). При этом именно в силу названной иллокутивной функции извинений они оказываются различными, будучи высказанными по мелким поводам и при причинении значительного ущерба. Соответственно дифференцированными оказываются и ожидания в отношении ответа на принесенное извинение: в первом случае положительный ответ является чуть ли не ритуально предопределенным; во втором — ответ действительно зависит от существа дела.

Извинение представляет собой разновидность директивных речевых актов, а именно просьб, обращенных к другим лицам. Перлокутивная эффективность этих речевых актов зависит от того, насколько убедительными выглядят для адресата слова, в которых выражается извинение. Среди ряда условий успешности извинения Ратмайр выделяет такие, как а) выражение извиняющимся понимания неуместности совершенного и, в то же время, б) уверение в ненамеренности случившегося, выражение сожаления относительно случившегося, в) согласие взять на себя вину, г) попытку вернуться к положению дел, бывших до совершения действия, повлекшего за собой нанесение ущерба. И, наоборот, как правило, не приводят к извинению попытки оправдаться, отрицать свою причастность к нанесенному ущербу, обвинение того, кому нанесен ущерб, обвинение третьего лица, выражение сомнения в том, что действительно было совершено неправильное действие, снижение значения произошедшего, ухода от повода для извинений, отговорки, сведение ущерба к шутке и т.д.

* * *

Значительная часть книги посвящена анализу различных извинений — различных по обусловившим их нарушениям. Ратмайр выделяет метакоммуникативные извинения, конвенциональные извинения и извинения по существу.

Если последние два очевидны и известны, и они уже упоминались здесь как извинения по незначительным и по значительным поводам, то обращение внимания на первый тип извинений может показаться неожиданным. *Метакоммуникативные извинения* относятся не к «экстралингвистическому поведению говорящего», как обозначает это автор, а к самой речи, к нарушению норм ведения разговора. Последнее заслуживает особого внимания — в особенности в соотношении с идеями дискурсивной этики и дискуссиями, которые идут по ее поводу. Понятно, что необходимость метакоммуникативных извинений может возникать в связи с допущенными оплошностями в высказывании. Но дело гораздо серьезнее и касается нарушений *норм* (или правил) *кооперативного ведения разговора*, или норм, предотвращающих появление и нарастание конфликтности в общении. Для описания извинения такого рода Ратмайр прибегает к «коммуникативным постулатам», сформулированным Г.Грайсом и «постулатам вежливости», сформулированным Г.Личем. Это — постулат согласия (принимая который, люди предпочитают смягчать возражение, отказ или критику извинением, нередко *превентивным*), постулат качества (требующий фактической точности и истинности в высказываниях), постулат количества (рекомендующий воздерживаться от повторений, излишней информативности и высокой степени подробности), постулат релевантности (воздерживающий от отклонений от темы или тем более неожиданной смены темы), постулат способа (регламентирующий форму выражения — требующий ясности выражения, определенной манеры речи, устанавливающий ограничения на определенную лексику), «постулаты этикета»⁵ (требующий организованности и корретности в ведении разговора), постулат такта (требующий внимательности к личности собеседника и ограничивающий вербальные вторжения в его личную сферу) и постулат «небеспокойства», как можно было бы выразить, с целью сохранить единообразие описания постулатов, то, что Ратмайр связывает с обращением к незнакомым людям с предложением познакомиться или с просьбой.

Конвенциональные извинения приносятся в связи с незначительными нарушениями правил этикета и вежливости.

Метакоммуникативные и конвенциональные извинения призваны сгладить неловкость, восстановить формальный порядок и во многом являются знаками внимания и уважения.

В отличие от них *извинения по существу*, которые приносятся по серьезным поводам, в частности при нанесении реального ущерба, требуют обоснованных и убедительных обращений и более весомых формулировок. Если извинения первых двух видов предполагают положительную реакцию, нередко сведенную до минимума, то реакция на извинения по существу должна быть вербальной и отчетливой и может быть дифференцированной вплоть до совершенно негативной, когда извинение не принимается. Нарушитель или обидчик иногда оказывается извиненным лишь после какого-то обмена высказываниями. В случае серьезного материального ущерба сами по себе извинения могут быть неуместными: они должны сопровождать предложение возместить ущерб и реальное возмещение ущерба. В случае нематериального ущерба извинения по существу приносятся при нарушении персональных договоренностей, нанесении тяжких оскорблений (как это представляет автор; — хотя, наверно, не только тяжких, но и любых оскорблений), при невнимательности и других ошибках, ведущих к серьезным последствиям. Отдельно в связи с этим Ратмайр рассматривает различные эпизоды принесения извинений политическими деятелями разных стран за неправильное поведение, имевшее место много лет назад или недавно. Во всех случаях такого рода извинение предполагает убедительное объяснение неправильного поведения, достоверное свидетельствование об изменении точки зрения и искреннем раскаянии.

* * *

Как видно из названия, исследование Ратмайр носит сравнительный характер. Компаративистский аспект исследования не является довлеющим и проявляется разнородно. С одной стороны, традиции русской речи сравниваются с традициями австрийского немецкого языка как они известны самому автору, причем отдельные оценки и обобщения дифференцируются по сферам общения. С другой, традиции русской речи как таковые и как они отражены в лингвистических описаниях сравниваются с традициями немецкой и английской речи как они отражены в лингвистических описаниях. Ратмайр, основываясь на личном опыте, показывает изменения, произошедшие в русском языке, обусловленные социально-эконо-

мическими и культурными переменами рубежа 1990-х годов, но в основном ее исследование было осуществлено в 1994 году, и это конкретное обстоятельство создания книги легко чувствуется десять лет спустя. Впрочем, Ратмайр весьма точно отразила возникшие в русском речевом этикете тенденции.

Приведем некоторые, наиболее яркие и неожиданные характеристики, в порядке перечисления. Так в русском языке, в отличие от английского или немецкого, извинение, как правило, употребляется в форме обращения к адресату (пресловутое «извиняюсь» традиционно оценивается как проявление невоспитанности и низкой культуры, хотя в последнее время и в меньшей степени).

По отношению к русской традиции в общем нельзя точно утверждать, что женщины извиняются чаще, чем мужчины, и это обусловлено, как считает Ратмайр, тем, что «русские мужчины не уступают женщинам в самостоятельности и чувстве ответственности» (С. 216). Правда, в ситуациях начальник — подчиненный русская женщина-начальник скорее принесет извинения, чем мужчина.

Внешнему наблюдателю может показаться, что русские гораздо реже приносят извинения, чем европейцы. И фактически это действительно так. Однако эту закономерность следует рассматривать в более широком социокультурном контексте. Как отмечает Ратмайр, в русской культуре гораздо большее значение имеют такие качества, как доверие, близость, сердечность; для русской культуры свойственна установка на высокую степень кооперативности в общении. Сокращение дистанции у русских приводит к тому, что действия, которые, например, в западных культурах воспринимаются как посягательство на личную сферу говорящего или слушающего, в русской культуре считаются менее опасными (С. 218). У русских не считается неприличным или опасным для имиджа излить душу, выразить открыто свое мнение по шепетильному вопросу, дать оценку, и поэтому такого рода высказывания, которые в западных культурах воспринимаются как поводы для извинения, в русской культуре не сопровождаются извинениями⁶. Откровенность, отмечает Ратмайр — это одна из ценностей русской культуры, общительность считается положительным свойством, — и извинения по их поводу могут быть (иногда, добавлю от себя) просто неуместными. Более того, именно недостаточно проявленный интерес или недостаток общительности может оказаться у русских поводом для извинения. Все это дает основание западным исследователям рассматривать русскую культуру как культуру *вмешательства* «как в положительном смысле (помощь, солидарность, поддержка, забота и т.д.), так и в отрицательном (выведывание, любопытство, назойливость и т.д.)»⁷ (С. 243).

И еще два наблюдения Ратмайр. У русских чаще встречаются оправдания в ситуациях, когда однозначно требуются извинения. Русские нередко в ответ на принесенные извинения высказывают упреки или начинают поучать.

* * *

Эта рецензия предпринималась мной с целью представления этически релевантных результатов прагмалингвистического исследования. Как здесь не вспомнить замечание Ф.Ницше о насущности привлечения к исследованиям морали филологов (а также, продолжим, историков, физиологов и врачей). Однако продвижение в этом начинании все более вовлекало в это представление и собственно лингвистический, культурно-лингвистический материал книги. Но весь он в рамках даже самой открытой рецензии представлен быть не может. Так что я предполагаю, что в качестве «перлокуции» этого возвращенного до рассуждения в жанре рецензии высказывания могло бы стать обращение читателя к самой книге.

Однако в заключение необходимо выделить три значимых в свете «этической мысли» моменты в исследовании Ратмайр.

Первое, новационным для этика в исследовании Ратмайр является перемена вектора внимания — с прощающего на извиняющегося. Иными словами, проблема извинения, а для нормативной этики, как и для богословской, это всегда — проблема «*прощения*»⁸ (и это слово уже надо ставить в кавычки в свете тех семантических прояснений, которые проделываются в книге, в том числе на основе результатов других исследований), проецируется не к обиженному, который проявляет снисхождение, великодушие и милосердие к обидчику, а к самому «обидчику», точнее к тому, кто испытывает потребность извиниться (попросить прощения) или от которого ожидается извинение (просьба о прощении).

Второе, Ратмайр обсуждает извинение совершенно в иной модальности. Фиксируя, что во многих коммуникативных ситуациях извинение, действительно, ожидается, а иногда и энергично требуется, Ратмайр в основном сохраняет нейтральную позицию лингвиста, исследователя языка. Такая позиция тем более необходима, что в отличие от нормативной этики, которая, как правило, в этом вопросе непреклонна и абсолютна и недвусмысленно высказывается от имени самой морали, мы всегда, как показывает лингвистический анализ, имеем дело с разнообразными в коммуникативно-этикетном, контек-

стуальном, утилитарно-практическом, нравственном и прочих отношениях случаями извинения. Ратмайр-лингвист скрупулезно описывает такие различные ситуации, — оставляя для специалистов по нормативной этике вопрос, является ли эта вариативность значимой для нормативной интерпретации проблемы.

Третье, извинение предстает как коммуникативно определенное событие. Это речевой акт, являющийся элементом реального или предполагаемого (потенциального) диалога. Он происходит в конкретной коммуникативной ситуации, объединяющей мужчину и женщину, старшего и младшего, родных, знакомых или посторонних, равных или неравных и т.д. Основанное на разнообразном эмпирическом материале исследование Ратмайр прагматики извинения делает и для этика очевидной необходимость конкретного, т.е. коммуникативно спроецированного, анализа проблемы извинения/прощения, как и любых иных нормативно-этических проблем. Это обобщение не может не восприниматься вызывающим и по существу является вызовом для тех теоретиков морали, которые придерживаются абсолютистско-универсалистского понимания ее природы. Таким образом обнаруживается возможность немировоззренческой и ненормативной подоплеку релятивизма, который, стало быть, следует рассматривать как выражение методологически определенной исследовательской позиции.

Книга Ратмайр, наряду с публикациями последнего времени Е.Д.Арутюновой или А.Вежбицкой, дает не только богатый социолингвистический материал для прояснения внешних форм проявления морали, но и показывает возможные пути исследования исторически и культурно определенных форм морали. Речь не может идти о прямой трансляции методов социолингвистики в нормативную этику, тем более что социолингвистика не единственная частногуманитарная дисциплина, исследующая в своих интересах объект, который является предметом внимания и этики. Но в условиях, когда методологический аппарат нормативной этики практически не развит, изучение и освоение исследовательского опыта других гуманитарных и социальных наук, тем более представленного в очевидно проработанных и методологически отрефлексированных формах, может оказаться для этики весьма плодотворным.

Р. Г. Апресян

Примечания

- ¹ Поскольку в этике под влиянием И.Канта сложилось особое понимание прагматики как стороны этического анализа, рассматривающего частные и конкретные выражения общих нравственных требований, способы их воплощения в индивидуальных действиях и определенных ситуациях, — нужно оговориться, что лингвист, говоря о *прагматике*, имеет в виду особенности использования знаковых систем, или, как в данном случае *извинения*, выражений.
- ² Перлокуция — прагмалингвистическое понятие, обозначающее результат речевого воздействия на слушающего, в отличие от локуции и иллокуции — понятий, обозначающих соответственно собственно речевой акт и цель речевого акта.
- ³ *Ratmayr P.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры /Пер. Е.Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 43. (Далее ссылки на книгу приводятся в тексте, указанием в скобках страницы).
- ⁴ Устройство анкет подробно описано (С. 57–60), а сами анкеты приведены в приложении (С. 251–261).
- ⁵ Этот постулат дается здесь в моей, возможно не совсем корректной, формулировке, но, надо сказать, автор формулирует этот тип коммуникативной регламентации нестрого, нарушая вышеупомянутый постулат способа.
- ⁶ Предполагаю, Ратмайр, хорошо знающая Россию и русских, осознает необходимость дифференцированного разбора культур общения — более или менее различных культур общения в России, различных по социальным (стратумарным), демографическим, территориальным и ряду иных признаков.
- ⁷ Определенно надо иметь в виду, что речь идет о тенденциях. Имеющие достаточный опыт общения с представителями западных культур легко приведут массу примеров, когда названные качества, как в положительном, так и отрицательном смысле, демонстрировали именно представители западных культур. Интересен в этом свете и опыт общения с представителями так называемых восточных культур.
- ⁸ Ср. статью «Прощение» в энциклопедическом словаре «Этика» (М., 2001. С. 396–397).